

Валентин Голубев

Поэт. Родился в 1948 году в поселке Сосновая Поляна под Ленинградом в семье плотника. Учился в ЛГУ. Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда), других регионов, за рубежом. Автор многих поэтических книг. Лауреат первых премий: «Ладога» им. А. Прокофьева, (2001), им. Св. князя Александра Невского (2005), им. А. К. Толстого (2013), победитель конкурса им. Николая Клюева (2019). Награжден серебряной медалью князя Александра Невского (2005), медалью «За заслуги перед отечественной культурой» (2013) и другими наградами. Член Союза писателей России с 1990 года. Живет в Санкт-Петербурге.

Налетят к полудню птичьи стаи

На Васильевском

Татьяне Царьковой

Где протока Шкиперская тужит
под завалом времени обломков,
под дождем идешь, ступая в лужи,
с зонтиком и трапезной котомкой.

Дождь ослабил вожжи и подпруги,
Скачет по Большому и Наличной.
Взял тебя с рождения в подруги
остров твой Васильевский навечно.

Сумерки давно ушли под арки,
в глубину дворов, в свои пещеры,
там, где кошки ждут твои подарки
и к тебе на ласки тоже щедры.

Если жизнь оставит только остов
лет, в которых ты была счастливой,
не грусти — есть в мире этот остров,
окруженный вечности разливом.

Василиса

Любит подружка моя веселиться,
Может, ей ларчик заветный открыли?
Облако в небе — ей тень василиска —
ящера хвост, петушинные крылья.

Мнит Василиса быть к тайнам причастной
скороговорок и кладов сорочьих.
То к ней синицы в окошко стучатся,
то домовой рассмешит среди ночи.

К речке бобровой, к запруде глубокой
ходит в бегущие струи глядеться.
А улыбнется — в глазах с поволокой
лучики сказок далекого детства.

Где-то за лесом гремят автодромы,
вышки торчат виртуального мира.
Спросят ее — я отвечу: — Нет дома!
Вы проходите, как Времечко — мимо!

У Василисы расставлены вешки
в чащах, чтоб я там не потерялся,
чтоб обошли нас и нежить, и леший,
чтобы их злоба растаяла зря вся.

Сколько еще миловаться осталось,
нежиться сколько в угодьях сорочьих?
Ну а в конце, когда грянет усталость,
в поле уйдем и растаем средь ночи.

Дидона

В Карфагене к морю вниз по склонам
у гераней¹ путь старинный избран,
а под Псковом в мире законном
их сестренки нежатся по избам.
Здесь январь, в стекло снегирь стучится,
чтоб в саду цветущем оказаться,
там Дидона — вдовая царица
бродит среди райских декораций,
где дубы ветвятся над полынью,
среди олив — ягнята в альфах-травах,
туи занесло горячей пылью
и герань повсюду — нет управы!

Кот среди горшков цветочных тужит,
за окошком снежная Сахара,
зимний день почти до полдня сужен,
без листвы дерева сухопары
и черны, и в стужу неодеты,
светится лишь кустик краснотала.
Канула любовь ее в легенды,
в поисках Дидона заплутала,
мчит сквозь жизнь преданий колесница...
И морозным утром, блеклой ранью
женщина к нам в двери постучится
тихая, с букетиком герани.

Осенний сюжет

Птица ли одна какая, две ли
бабочки под утро в окна бились?
Сквозняком всю ночь знобило двери,
и в дуду архангелы трубили.

Я откинул тяжкие засовы,
бабочек впустил для декораций
сцены счастья нашего, а совы
сквозь стекло пусть на любовь дивятся.

¹ Герань в мифологии — хранительница любви, дома, здоровья.

Есть в осенней пьесе вкус разлуки,
обойдем ее повадки лисьи.
Август, отыграв, умоет руки
в дождиках и сгинет в закулисье.

Где-то было в летошней тетради:
в пене утра пеночкины трели,
лета лень... Быть может, шутки ради
дал нам кто-то, чтоб душой согрелись?

Время воспарить, прибиться к стае,
вновь в садах цветущих оказаться...

Слишком строг, кто эту пьесу ставил,
не потерпит он импровизаций.

Первородство

Здесь дрозды атакуют ворон,
А под окнами ежики бродят,
И, со всех окружая сторон,
Лес грозит садовода угодьям.

Здесь не знаешь, чему угождать:
Иван-чаю в цвету, гиацинтам?
И меж елок тебе — благодать,
Хоть и сада Эдемского сын ты,

Где Праматерь, вкусившая плод,
Знать не знала о судьбах потомков:
Коз пасти и терновник полоть,
Сквозь судьбу продираясь с котомкой

В первородство, к запрудам лесин
На бобровую речку, к лосятам...
Вышло так! Как ни кинешь — все клин,
Журавлиный иль в поле овсяный.

А с утра малахольный телок,
Чтоб похолодили, ломится в двери.
Малосольный огурчик — нам впрок,
Коль в чести и посты, и поверья.

И вопрос выживанья ребром
Жизнь поставит куриною лапкой.
Где-то шахты, в степях космодром,
Здесь — мы семеро в доме по лавкам.

Песню ль спеть про шумящий камыш?
Но стоит твой стаканчик не выпит,
Вспомнишь что-то, на шутку смолчишь,
Вдруг да снова Чернобыль да Припять.

Художник

Уже был кол раздора в души воткнут,
в октябрьском поле колкая стерня...
Стакан нарисовал художник Водкин,
Петров — купанье красного коня.

Пусть веет образ и таится символ,
где по прямой корочке не всегда
взойти, где Богоматерь шепчет: — Сын мой,
над Вифлеемом первая звезда!

Сияет Вечность, душит дней короста,
игру цветов, похожую на кич,
живописал, хоть это и не просто,
как староверу бороду постричь.

Где суета, где суть, когда из окон
дворянских
пьяный свист и перепляс?
Он заказной у Времени изограф,
или калика нищий, богомаз?

И, чтобы в жизни был он осторожен,
не по наитью жил — наверняка, —
предвидя все, отец его сапожник
порол по будням впрок озорника.